

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008:311

Т.А. Зайцева

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье определяется эвристическая значимость обращения к повседневности в контексте развития гуманитарного знания. Предлагается авторское понимание содержания понятия и явления повседневности через обращение к определению предмета повседневности, ее границ и подходов к ее изучению; определяется перспективность исследований в области повседневного, обыденного. Обосновывается особый статус культуры повседневности как самостоятельной исследовательской проблемы, что видится в соединении макро- и микропроцессов, уникального и универсального, представленного в повседневности и приобретающего в ее пространстве практическое и знаково-символическое воплощение.

Ключевые слова: повседневность, исследования повседневности, определение повседневности, специфика и исследовательский потенциал изучения повседневности.

Насколько закономерно возрастание интереса к повседневности, повседневному, обыденному, привычному в гуманитарных исследованиях? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно определить, когда появляется этот интерес, как меняется его характер – от простого описания, собрания курьезностей до формирования научного интереса, предполагающего осознание исследовательской ценности повседневности, понимаемой как самостоятельная проблема, открывающая новые возможности в развитии гуманитарного знания. Это сложный процесс, в основе которого лежит принцип смены приоритетов в осмыслении обыденного, что во многом зависит от состояния и степени зрелости научного знания, желания (его наличия) познать себя, окружающую действительность и других. При этом начиная уже с Античности в сочинениях исторического, географического характера можно обнаружить обращение к повседневности, даже если она сама и не была предметом описания, изучения. Она всегда незримо присутствовала на уровне фиксации отдельных явлений, практик, обычаев и пр. Это позволяло проводить сравнения, сопоставления, выстраивать иерархии, последовательности, типологии народов, культур, эпох, государств и т.д. Почему в таком случае повседневность как самостоятельная проблема и предмет научного изучения появляется сравнительно поздно, в то время как без обращения к ней не обходилось ни одно сочинение, хотя бы через ее преодоление (стремление подняться над земным и обыденным).

Возможно, суть проблемы заключается в размытости границ повседневности и терминологической неясности в определении повседневного, бытового. Повседневность, прежде всего, обыденная естественная среда, актуальное «здесь» и «сейчас»; это то, что присутствует всегда, что закрепляется в языке (в широком понимании данного явления), звуках, образах, мотивиров-

ках поступков, принципах поведения (социальных ролях). В повседневности причудливо на первый взгляд переплетается очень многое, но эта причудливость отнюдь не предполагает отсутствия осмысленности. В работе «Повседневность как плавильный тигель рациональности» Б. Вандельфельс отмечает особый характер рациональности повседневности, что и делает ее столь сложной для изучения. Она одновременно фундаментальна («разлита» по всей жизни человека, общества) и постоянно «ускользает», как будто отсутствует, так как все обычное и привычное сложно заметить в отличие от редкого, феноменального, нарушающего эту обыденность. Но в этом кроется и удивительная сила повседневности, она устойчива (не консервативна, но тотальна), сломы повседневности наиболее значительны для человека и общества.

Трудности в определении повседневности (как понятия) приводят к неоднозначности подходов к ее изучению и оценок значимости, на что влияет двойственность ее природы. Она одновременно и конкретная сфера культуры (жизнедеятельность общества, человека), и процесс (способ жизни), реализуемый и представленный различными механизмами, в том числе и адаптационными. В силу этого повседневность может быть определена не как неизменная длительность, но разноплановое осмысление и переживание действительности, стремящееся придать стабильность существованию человека, общества и т.д. Повседневное – не просто рутинная и однообразная, но объективный и субъективный опыт, предполагающий универсализм и единичность практик и переживаний, наличие связи и преемственности между поколениями (здесь обращает на себя внимание важность социальных институтов, обеспечивающих связь между поколениями или определяющих характер этих связей).

Это задает методологические сложности в изучении повседневности. Довольно точно, лаконично, но исчерпывающе данную проблему определил Б. Вандельфельс, отметив, что понятие повседневности и сама повседневность – абсолютно разные вещи, т.е. теория и реальность, в контексте изучения повседневности, практически не соотносятся из-за сложности определения границ повседневного.

Сам же Б. Вандельфельс предлагает вариант преодоления (разрешения) заявленной проблемы через противопоставление «повседневного», «повседневности» и «неповседневного», «неповседневности». Повседневность – это субъективное переживание (индивид, социальная группа, общество в целом, культура по-разному могут воспринимать одно и то же событие на эмоционально-чувственном и рациональном уровнях); типичные практические действия (повторяемость и привычка, вырастающие из реальной действительности, ее освоения); длительные ритмы (непрерывность и возвратность); подвижные формы рациональности (изменения реальности, действительности с необходимостью влечет за собой изменение ее восприятия, осмысления, освоения). Неповседневность – объективные структуры и процессы (то, что не зависит от отдельного человека, социальной группы, культуры, от их воли и желания); индивидуальные и коллективные деяния (значительные свершения, имеющие статус единичного); однократные эпохальные события (то, что не может быть охарактеризовано как повторение, цикл); идеальные конструкции и точные методы (не сама реальность, но ее модель и способы создания и

изучения этой модели, в качестве которой могут выступать человек, социальные группы, культуры, народы, эпохи, регионы, цивилизации) [1. С. 17–18].

Именно повседневное становилось, как правило, предметом пристального внимания, и до определенного времени (XIX в.) на нем основывалось изучение человека и общества в историческом, социальном и прочих аспектах. Повседневное же оставалось за рамками осмысления, удастаясь только фиксации на уровне описания, реже – сравнения, так как считалось само собой разумеющимся и не скрывающим ничего существенного (значимого). Трудно не просто увидеть то, что, казалось бы, лежит на поверхности, создает впечатление монолитности и монотонности, но выявить и понять механизмы и структуры, определяющие ход времени, систему ценностей, мировосприятия, т.е. уклад жизни.

Таким образом, повседневность представляет собой очень сложную предметную и проблемную исследовательскую область, так как в мире вещей, действий, представлений и образов можно «потеряться», тем более что они постоянно «ускользают» – не поддаются объяснению с точки зрения законов, закономерностей, принципов «большой истории», где делается акцент на изменения, трансформации и причинно-следственные связи. В повседневности действия и практики «просто» выполняются, многое воспринимается как должное; это специфический опыт познания действительности, порядок жизни, где есть место не только процессу познания, не менее (а иногда и более) значимы переживания, желания, привычки, делающие повседневность «живой» и несводимой к моделям, так как ее (повседневность) можно нарушить, но практически невозможно изменить.

Несмотря на то, что повседневность противопоставлена всему уникальному, она не статична, это «почти неподвижные структуры», которые определяют ход времени. В этом видится значимость повседневности, так как своей «медлительностью» она насыщает большую историю событиями, процессами, людьми, и все значительное обращает на себя внимание современников благодаря повседневности (насколько они выбиваются из привычного и обыденного или трансформируют его). Повседневность, таким образом, может быть определена как «медленная история», в которой, однако, есть место изменениям, подразумевающим парадигмальные сдвиги, предполагающие трансформации структур, считающихся незыблемыми, самоочевидными и не привлекающими к себе внимание в силу своего постоянства.

В дополнение к сказанному выше нужно отметить, что мир повседневности не может быть рассмотрен как сплошное пространство, он дифференцирован по различным признакам и основаниям, в качестве которых выступают социокультурные, региональные, экологические, экономические и политические маркеры. Этот мир наполнен фактами, вещами, практиками и пр., не вызывающими сомнения, проверенные опытом (социальным и индивидуальным). Оказываясь в пространстве повседневности, они становятся истиной, определяют характер бытия, формируют ориентиры, делающие существование человека осмысленным, опирающимся на правила, нормы, привычки, сформировавшиеся в жизненной среде. Таким образом, все, что нуждается в укоренении, восприятии и принятии, должно попасть в мир повседневности. В этом видится одна из важнейших ее характеристик – она делает внешние,

чуждые элементы «своими». Любой факт, идея, представление, какими бы фантастическими они не были, войдя в повседневность, становятся жизнеспособными и функциональными, начинают мыслиться как реальные, то, в чем не сомневаются. Это характеризует пространство повседневности как мир реальных культур, где бытуют представления о себе и других, внутреннем и внешнем, земном и возвышенном, сакральном и профанном, что находит отражение во всех структурных элементах повседневности (одежде, доме, еде, досуге, социальных ролях, представлениях о теле и т.д.) и говорит о ее мощном дифференцирующем начале и большой функциональной нагруженности. Функциональную сторону повседневности сложно переоценить. В ней человек реализует себя в рамках различных социокультурных ролей, в ней он «потребляет» внешний мир в безопасных и привычных для себя дозах и формах. Она делает мир понятным и соразмерным человеку. При этом повседневность задает четкие рамки и границы, используя универсальный механизм дифференциации (мы – они, свое – чужое, здесь – там).

Все перечисленное свидетельствует в пользу исследовательской ценности обращения к повседневности, но только во второй половине XX в. она становится самостоятельной проблемой. Постепенное становление интереса к повседневному можно обнаружить в работах В.Д. Лелеко. В одной из последних ее статей, «Культурология повседневности: становление и современное состояние», представлены обобщающие выводы по заявленной проблеме. В качестве отправной точки берется вторая половина XIX в., представленная историческими сочинениями описательного характера. О самой повседневности в них не говорилось (не употреблялся сам термин «повседневность»), упор делался на быт, развлечения, частную и общественную жизнь, данная тенденция сохранялась и в начале XX в. Поэтому работы А. Терещенко, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, Э.Э. Виоле-ле-Дюка, П. Гиро, Э. Фукса, на которые ссылается В.Д. Лелеко, можно рассматривать как новый поворот в историческом познании, заложивший фактическую базу для историко-культурных исследований и впоследствии – изучения повседневного, так как элементы, описанные перечисленными авторами, позже стали рассматриваться как структуры культуры повседневности [2. С. 377]. В связи с этим данные сочинения нельзя рассматривать как исследования самой повседневности хотя бы потому, что авторы не ставили перед собой подобной задачи и цель их работы заключалась в попытке реконструкции конкретной эпохи через обращение к предметно-вещному миру и характеру занятий. В контексте развития исследований повседневности об этих работах можно говорить как о необходимой эмпирической базе изучения повседневности (в перспективе), но не как о проблематизации повседневного, методологическом и эвристическом обосновании новой исследовательской области гуманитарного знания.

Следующий этап становления интереса к повседневности, но не просто как быту, занятиям, сведенным к фиксации и описанию данных, но в контексте обоснования необходимости изучения повседневного как сферы, способной сформировать новый взгляд на развитие общества и культуры, В.Д. Лелеко связывает с исследованиями Й. Хейзинги и школой Анналов (1920–1980). Все же эти исследования в большей степени имеют отношение к развитию исторического знания, в частности к утверждению «истории повсе-

дневности» [2. С. 378], в то время как повседневность не получила статуса самостоятельной проблемы. То есть изучение повседневности, ее структур, как правило определившихся произвольно, должно было способствовать историческим и историко-культурным исследованиям, в которых приоритетными были проблемы ментальности, особенностей мышления, мировосприятия. Это проблемы микроистории и архетипов в историческом познании.

В последней трети XX в. интерес к повседневности, точнее к тем возможностям, которые она открывает в изучении человека, общества, культуры, становится более разнообразным: связь макро- и микроистории, истории культуры и быта, семиотика и эстетика повседневности, социология повседневности, феноменологические аспекты повседневности, обыденное и массовое в культуре [2. С. 379–385]. Новое осмысление повседневности у В.Д. Лелеко начинается с 1990-х гг. в рамках именно «культурологии повседневности», предполагающей изменение подходов к изучению обыденного. Однако немного ранее, в 1970–80-е гг., появляются работы методологического характера, не имеющие непосредственного отношения в проблемам изучения повседневности, но позволяющие по-новому взглянуть на изучение культуры вообще и истории культуры в частности. Это работы А. Гуревича, в которых затрагиваются вопросы методологии истории культуры и построения «культурных моделей»; У. Эко, определявшего повседневность как знаковую систему, в которой заключен культурный код отдельных социокультурных, экономических и политических образований; исследования Б. Вандельфельса.

И все же институт повседневности не обрел окончательного статуса, на что обращает внимание В.Д. Лелеко, анализируя наиболее известные работы по культуре повседневности, в том числе и учебную литературу. В частности, она упоминает работы М.С. Неклюдовой, Т.С. Георгиевой [2. С. 384]; в дополнение к библиографии, предложенной В.Д. Лелеко, можно предложить работу Л.В. Беловинского «Культура русской повседневности». Всех их отличает хронологически-фактологический подход, соответствующий традиционному изучению истории культуры с акцентом на бытовой сфере, что, в общем-то, не добавляет ничего нового к осмыслению повседневности как самостоятельной исследовательской проблемы. Особо может быть отмечено исследование Б.В. Маркова «Культура повседневности», в которой автор не просто перечисляет и дает характеристику «основных форм повседневной культуры», но прослеживает их эволюцию, обусловленную изменением отношения к человеку и основным социокультурным институтам. Кроме того, представлен авторский взгляд на выявление причин актуализации исследований повседневности как процесс, обусловленный изменениями в гуманитарном познании (в частности, истории и философии) [3. С. 27–31]. Сама же В.Д. Лелеко предлагает принцип выделения наиболее существенных характеристик повседневности, что определяется через их универсальность. В качестве таковых констатируются категории времени, пространства, вещи, «субъекта повседневной деятельности» [2. С. 385–389]. Этот подход значительно смещает акценты, помещая в центр исследования саму повседневность, но, не дает ответов на вопросы о том, что такое повседневность и какие новые возможности открываются в социокультурных и историко-культурных исследо-

ваниях с обращением к повседневности, определением ее значимости, статуса, функциональности и пр.

Пытаясь ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, отметить, что обращение к миру повседневности в значительной степени расширяет границы изучения культуры (несмотря на то, что изначально она интерпретировалась в рамках микроистории, ее «длительность» и «фундаментальность» оказались шире конкретного факта и помогли преодолеть узость эмпирического подхода). В повседневности важен не столько сам отдельный факт, сколько его включенность в целостное пространство повседневного.

Через обращение к повседневному становятся более очевидными механизмы дифференциации различных культур, а также единого культурного пространства на отдельные составляющие; при этом повседневность становится объединяющим фоном структурных элементов культуры, принцип соединения и функционирования которых может быть обусловлен самой повседневностью. Это позволяет включить в поле зрения исследователя аспекты, связанные с непосредственным функционированием структурных элементов культуры в их предметном (вещном) и знаковом (символическом) воплощениях.

Обращение к повседневному открывает новые возможности в области изучения основ формирования картины мира, смыслообразующих установок, где проявляют себя механизмы формирования стереотипов, ментальных установок и мировоззрения в целом.

Кроме того, мир повседневности способствует воссозданию реального (живого) образа культуры в целом, культурных миров отдельных социальных групп и слоев, принципов их взаимодействия в рамках единого культурного пространства, формирования представлений друг о друге и о самих себе. Повседневность ярко демонстрирует общее и особенное в культурах, обозначая основные узлы противоречий, связанных, с одной стороны, с тенденциями к унификации и нивелированию отдельных культур, а с другой – с подчеркиванием уникальности и неповторимости культурного опыта. При этом повседневное не просто констатирует и демонстрирует инаковость или общность, но показывает, почему, в силу каких причин формируется иное или общее (схожее) социокультурное пространство, так как повседневность всегда апеллирует к конкретному опыту, формирующемуся и функционирующему в течение длительного времени. Это способствует формированию механизмов понимания, адекватного восприятия, принятия другого, иной культуры, чужой реальности, поскольку именно повседневность ставит различный культурный опыт в равные условия, утверждает возможность существования множественности культурных миров.

Таким образом, повседневность представляется активно функционирующей и переживаемой знаковой системой (понимаемой как реальность, существующая независимо от воли исследователя), в которой воплощается конкретная культурная модель (конструируемая реальность). В теоретическом и методологическом аспектах обращение к повседневности помогает «оживить» исследовательские построения исторического, социального, этнографического, антропологического характера. Но если в рамках гуманитарного знания повседневность (ее изучение) существенно помогает решить пробле-

му расхождения между теоретическими построениями и исследуемой реальностью, то в отношении самой повседневности это противоречие до конца не разрешено, что делает исследования повседневности перспективными и востребованными в контексте развития гуманитарного знания.

Литература

1. *Вандельфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. Общество и сфера смысла. С. 17–23
2. *Лелеко В.Д.* Культурология повседневности : становление и современное состояние // *Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д.Л. Спивак.* СПб.: Алетейя, 2008. Т. 1: Теория культуры. С. 377–389.
3. *Макаров Б.В.* Культура повседневности: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 352 с.